

Читайте в серии:

ПЕПЕЛ АННЫ

ЗВЕЗДОЛЁТ С ПЕРЕБИТЫМ КРЫЛОМ

МЕРТВЕЦ

ЭДУАРД ВЕРКИН

ПЕПЕЛ
АННЫ

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В32

Художник — *Виктория Тимофеева*

Веркин, Эдуард.
В32 Пепел Анны : [роман] / Эдуард Веркин. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-699-77375-6

Эдуард Веркин — один из ярких современных российских авторов, лауреат престижных литературных премий, настоящий наследник традиций Чехова, Платонова, Лема, братьев Стругацких, Дика, Брэдбери. В 2012 году роман Веркина «Друг-апрель» был включен в список выдающихся книг мира «Белые вороны», составляемый Мюнхенской международной детской библиотекой.

В своих книгах Э. Веркин с необыкновенным вниманием к мелочам показывает становление личности, переживание героями первой любви, упорную борьбу с обстоятельствами и «непреклонными законами», абсурдность и хрупкость жизни. Он говорит с читателем на своем, уникальном, узнаваемом языке. «Пепел Анны» — книга для мятущихся душ, для всех, кого терзают вопросы, кто думает о выборе и знает, что прежде чем родится новый мир, должен осесть пепел старого. Роман не обманет ожидания как поклонников писателя, так и читателей, открывающих для себя мир произведений Веркина впервые.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Веркин Э., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-699-77375-6

ГЛАВА 1

Западный угол

Ошибка была допущена еще в терминале, а все сикх. Сикх напоминал Вагайцева даже вблизи. Мы ждали, сикх прошел мимо, спортивная сумка через плечо, перекопился от тяжести, жилы на шее вылупились, видно, что трус. Вагайцев тоже трус, хотя и наглый, а когда сильно трусит, глаза сильнее выпучивает и приплясывает левой ногой.

— Твой знакомый? — спросила мама.

— Не. Какой-то сикх.

Сикх оглянулся, посмотрел на меня с опаской и отчего-то с укоризной. Тут я и зевнул.

— На Вагайцева похож, — сказал я. — У нас в классе такой, помнишь, я рассказывал? Он подавился чипсами, и ему вызывали «Скорую».

— Нет, не помню... — рассеянно сказала мама. — Но... — Она поглядела в спину удаляющегося сикха. — Не знаю, как на этого Вагайцева, он на...

Глаза у мамы сложились в хищные уголки. Приступ, однако.

— Не, на Вагайцева не похож, — попытался сбить я.

— Нет-нет, погоди...

Филология головного мозга в запущенной стадии. У моей мамы. Мы с отцом привыкли и обычно проявляем осторожность — стараемся не цеплять, не провоцировать, во всем соглашаться, но иногда оно само. Мама — ураган в консервной банке, стоит приоткрыть... не стоит.

Book attack.

Я честно попытался перевести стрелки еще раз, поздно, мама уже понеслась.

— Все люди утомительно похожи, — сказала мама с легким отвращением. — Можно по пальцам рук... — Мама поглядела на пальцы, стряхнула крошку с указательного. — Посчитать и разобрать.

— Все разные, — возразил я без особой надежды. — Непохожие.

Поздно.

— Все одинаковые и похожие, как тостеры, ты сам это прекрасно знаешь, — мама поднялась с дырчатой скамейки и пошагала к футбольному автомату. — Впрочем, любой мало-мальски квалифицированный читатель это знает...

Когда у мамы Book attack, она крайне обидчива и злопамятна, так что лучше переждать, не спорить, это надежнее. Я поспешил к автомату за ней.

— Какой китч. — Мама поморщилась, оценивая ассортимент. — Впрочем, все к этому и катилось...

А мне такое нравится, я такое как раз и люблю.

Капитан Маринеско недрогнувшей рукой торпедирует исполненного щупальцами Дагона.

Конструктор Королев бестрепетным бластером ввергает в небуль нацистского киборга фон Брауна.

Немирович-Данченко в красных шароварах наставляет в летных доблестях крыло боевых валькирий. Серебряный век, ничего не поделаешь.

И другое такое же.

— Это, конечно, ужасно... — Мама разглядывала футболки. — Редкая безвкусица... Окончание времен так остро чувствуется, постмодерн как норма... Но оригинальный сувенир, пожалуй... Она, в принципе, любит Платонова...

Печальный писатель Платонов точит топор.

Печальный писатель Платонов точит топор.

Мускулатура сильно гипертрофирована. Особенно предплечья. Особенно пронаторы. Особенно остро конец времени чувствуется возле футболочных автоматов. А Че нет. Обычно в футболочных автоматах всегда продают Че, Троцкого, Ким Чен Ына. Троцкий и Ким имелись — первый заведовал лавкой туристического снаряжения, второй — страусиной фермой. Че нет, видимо, разобрали.

— Все одинаковое, — повторила мама. — Люди одинаковые, герои одинаковые, все одинаковые. Глобализм...

Мама выбирала футболки.

Сам виноват.

Мама остановилась на Платонове. Она скормила автомату купюру, тот выдал прессованную упаковку.

— Впрочем, тут ничего удивительного нет. Я к тому, что все одинаковые, да?

Она поглядела на меня в поисках подтверждения, и я должен был подтвердить чем-то из классики. Но я в тот день не поспевал, пить мне хотелось, кора подсохла.

— Сим, Хам, Яфет, — подсказала мне мама.

— Да-да, — кивнул я. — А как же.

— С тех пор не придумали ничего оригинального, — мама вздохнула. — Да, видимо, и невозможно...

И немедленно рассказала.

Что новых людей у меня для вас нет.

Что видовое разнообразие — удел мушек-дрозофил.

Что ей так приятно в очкастом соседе, выгуливающем по утрам обрюзгшего русского терьера, узнавать Петра Безухова.

Book attack.

И да, литература есть отображение одновременно уникальности и стандартности жизни.

Book attack.

Тут я зверски заскучал, а мама поймала меня за руку и сжимала в соответствии с практиками тактильных мнемотехник — для того, чтобы я запоминал самые яркие и парадоксальные мамины мысли, это мне полезно, душа ведь должна кормиться.

— Ты же знаешь, мой научный руководитель...

Ее научный руководитель выводил разновидности человека ровно в соответствии с персонажами романа «Идиот», и это катастрофически верно.

— Вот смотри...

В подтверждение этой катастрофичности мама достала телефон и стала фотографировать окружающих. Рядом с нами вдоль стеклянной стены сидело человек сто жизнерадостных кубинцев, они смеялись, бренчали на гитарах, жевали батоны, некоторые умудрялись сидя пританцовывать. Сделав с десяток снимков, мама принялась их комментировать в духе «Вот посмотри, типичный Фердыщенко!», «Настасья Филипповна а-ля натюрель!», «Рогожин! Рогожин же!». На фото были в основном беспечные негры.

Я соглашался: в конце концов, у Достоевского не написано, что Рогожин не негр с сердитым взглядом.

— Но я лично предпочитаю Марка Твена, — сказала мама.

— Ну да, — сказал я. — Само собой. Я тоже, ты же знаешь.

— Все люди по Твену легко делятся на три основных типа — Сид, Том и Гек. Охранитель, Плут, Революционер. Остальное — детали и сочетания.

— А как же граф Мышкин?

Иногда это помогает. Если лесной пожар маминого вдохновения обдать глупым вопросом, мама скучнеет, гаснет и успокаивается.

Не в этот раз.

— А что Мышкин? Мышкин типичный революционер.

— Он же припадочный, — напомнил я.

— Это нарочно так сделано. Если не ввести ограничение в виде эпилепсии, то он непременно рано или поздно запишется в бомбисты. Собственно, Мышкин — это революционер, которому что-то мешает стать революционером. Это Гек, но без зубов. Ум есть, сила есть, воли нет.

Некуда бежать, паспортный контроль пройден. Сикх с утра — к душевному томлению. Мама обладает чудесным свойством — объяснять все. Впрочем, это у нас наследственное.

— А Великанова? — спросил я. — Она кто?

— Великанова? — мама снисходительно покривилась. — Великанова — это, безусловно, Индеец Джо.

Тут я поперхнулся воздухом и чуть не умер. Мама рассмеялась. Объявили, что пора и на борт знать.

Толпа кубинцев дружно и шумно поднялась

и направилась к посадочному рукаву. Мы двинулись за ними. Посадка тянулась и тянулась, мама увлеклась идеей о сходстве Великановой и Индейца Джо и быстро нашла общее не только в повадках, но и во внешности.

— Твоя Великанова выглядит так, будто ее огрели могильной плитой, — рассуждала мама. — Слушай, сыночка, у тебя странные вкусы, меня это настораживает. Ты парень неординарный, но надо границы видеть...

— Это Мефа Поттера огрели могильной плитой, — поправил я. — А Великанова просто сутулится.

— Вот видишь, огрели Поттера, а сутулится она. И ты будешь сутулиться...

Видимо, для того чтобы предотвратить мой грядущий сколиоз, мама постучала мне кулаком в спину.

Я закашлялся, я ее все-таки люблю.

Посадка продолжалась. Кубинцы погрузились все. Пассажиры Мельников, Стромахин и Стуже извоили задержаться на пятнадцать минут, мы с мамой задерживаться не стали, проследовали на свои места по левому борту, устроились, выдохнули, вытянули ноги.

— Смотри-ка!

Мама достала из сумочки конверт, вручила мне. Отель «Кастилья», шестой этаж, номер десять, обведено сердечком, и почему-то Дон Кихот нарисован, носатый, тощий, точно скручен

из обожженной проволоки — Кастилья, там жарко. А бумага серая, и уголки давно стерлись, видно, что часто разглядывали и вздыхали.

— Мы с отцом были там! — восторженно шепнула мама. — Восемнадцать лет назад! И теперь он забронировал этот же номер! Как?!

— О, — сказал я.

— Там самое вкусное мороженое.

Кажется, маму немного отпустило.

А Великанова оценила бы, она такое любит. «Всемирная история пошлости» пополнилась блистательным эпизодом, сказала бы Великанова, возьми с антресолей верный фамильный сепаратор.

У отца редакционная квартира на Ведадо, однако он снял нам два номера в гостинице, чтобы все было как раньше, восемнадцать лет назад, когда они с мамой были еще студентами. Короче, быть в Париже, быть влюбленным.

— Там чудесный вид на море, — сообщила мама. — Кажется, что оно кипит. Отец почти в два раза переплатил, представляешь?!

— Здорово, — сказал я.

Тринадцать часов — это долго. Земля для нас вращается против часовой стрелки, аэробус летит навстречу этому вращению, натужно пробираясь через меридианы и встречное движение воздушных масс, через ветер и облака, и время в аэробусе течет так же медленно, а иногда даже кажется, что откатывается назад, не по часам, на

самом деле. На Венере мы бы гораздо быстрее долетели. Нет, на Венере мы бы не долетели, там кислота в атмосфере, нам бы понадобился стеклянный самолет.

— Справа крепость Эль Моро, слева Малекон до горизонта, а?!

Мама, разумеется, утомится, но это не скоро, часа три восторга мне обеспечено. Но хоть не Book attack, отпустило.

Впрочем, Джексонвилл еще впереди, его не облететь. Джексонвилл неминуем.

— Там были самые настоящие тараканы! — Мама мечтательно зажмурилась. — И в ванной с потолка капала вода!

Великанова такое любит. А я нет, я люблю, чтобы без тараканов, но с кондиционером и одноразовыми шлепанцами.

— А зеркало?! Я в него глядеться не могла, боялась, что отразится какой-нибудь Аль Капоне. Да! Да, там отдыхал Аль Капоне! В нашем номере на стене было пять дырок — отец уверял меня, что от револьверных пуль. А я спорила с ним — Миша, говорю, но ведь в револьвере шесть патронов, где шестая дырка? А он пальцем по виску стучит. Вот какой отель — с историей.

Я перевернул конверт с «Кастильей».

На обратной стороне была карта. Справа гавань Баия, слева город. Город похож на процессор, много мелких квадратиков, рассаженных вдоль вытянутых авенид. Все старые города та-

кие, во времена империй и чайных клиперов землю, не морщась, размечали по линейке, отчего кварталы теснились гвардейским парадом, за блоком блок, друг другу в лоб. Кажется, это для улучшения вентиляции. Гавана, названа в честь индейской принцессы, замученной колонизаторами, основана...

Давно.

— Вот он, — мама ткнула пальцем в карту. — Вот тут, в самом центре, недалеко от Капитолия, буквально пять минут. Капитолий, как в Вашингтоне, кстати, грандиозное сооружение...

Хрустнуло, рукав терминала отошел, и самолет, чуть подрагивая, начал пятиться к взлетной полосе. Сам он задом не может, в нос его толкает плоский и тяжелый, похожий на краба, толкач, но его никогда не видно.

— Знаешь, там дверь не закрывалась в номер, — рассказывала мама. — Она рассохлась, папка сколько ни толкал, лишь плечо себе намял. Хотели на ресепшн бежать, а потом глядим — у двери молоток. Деревянный молоток на длинной ручке, таким в крикет играли, абсолютно колониальная вещица. Так вот, выяснилось, что им надо забивать дверь, если нет сил ее закрыть вручную. А сама дверь и внутрь, и наружу открывалась, как турникет!

Мама рассмеялась, сикх, сидящий через проход, вздрогнул и посмотрел на нее испуганно. Молодой совсем сикх, как я, лет шестнадцать,

в черном сикском тюрбане, с бакенбардами. Интересно, зачем он на Кубу? А так в самолете одни негры. Полсамолета с дудками, полсамолета со сломанными носами. Первые музыканты, вторые, вероятно, боксеры, с чемпионата летят наверняка, хотя без Альвареса, он или в бизнесе, или в Москве остался. Его бы я узнал точно.

— Тебе там понравится, — заверила мама. — Больше во всем мире такого не встретишь, даже в Африке уже не то. Только Гавана настоящая, только там! Мороженое...

Самолет дрогнул сильнее. Буксир продолжал толкать лбом шасси.

— Но никакого Варадеро, никакого! — уверенно заявила мама. — Знаешь, на Варадеро одни канадские лесорубы, это все равно что в санатории МЧС отдыхать...

У нее так часто перед взлетом: болтает много и с оптимизмом перегруз. Обычно тыквенные семечки грызет для отпускания, это действует, но сегодня про семечки мама вспомнила на рулежке, а на рулежке их не взять.

А леденцы ей не помогают, их можно грызть, но не то.

— ...Хотя песок там, безусловно, чудесный, никто и не спорит. Это словно и не песок, а истолченный мрамор...

Стюардессы появились и начали рассказывать про запасные выходы и пристегнуть ремни. Сикх два раза перестегивался, проверял.